

Les Grands-Croix, Commandeurs et Chevaliers du vénérabilissime ordre des Cocus, réunis en grand chapitre sous la présidence du vénérable grand maître de l'ordre, S. E. D. L. Narvichine, ont nommé à l'unanimité Mr Alexandre Pouchkine coadjuteur du grand-Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.

Le secrétaire perpétuel L^e J. Borch

С. А. Фомичев

ПУШКИН И МАСОНЫ

«Когда в Петербурге было основано мальтийское приорство, выступавший на процессе с показаниями против Калиostro отец Казимир вновь назначается провинциалом в Россию, где папа легализовал упраздненный в 1773 году, но тайно продолжавший существовать иезуитский орден. В том же году из Парижа приезжает в Петербург и поступает на русскую службу гвардии поручик Жорж-Антуан Паркуа де Кальве. Потомки его принимают русское подданство. Один из них, Петр Иванович Паркуа, впоследствии был выслан в Сибирь якобы за сочувствие к декабристам, другой, Теодор Иванович, получил смертельную рану на дуэли с другом Жоржа Дантеса, приемного сына посла барона Геккерна. По свидетельству Чаадаева, поводом для дуэли послужило публичное обвинение барона

Геккерна в том, что он будто бы состоит тайным шпионом иезуитов»¹.

«...Тютчев создает стихотворение „29-е января 1837“:

Из чьей руки свинец смертельный
Поэту сердце растерзал?
Кто сей божественный фиал
Разрушил, как сосуд скудельный?

Таким образом, Тютчев усматривает *загадку* в совершенно очевидном, казалось бы, факте: Пушкин погиб от руки Дантеса. (<...>) Но ничего странного в этом нет. (<...>) К сожалению, и до сего дня большинство людей — в том числе даже и людей начитанных — имеют об этой истории примитивное, ложное и в конечном счете даже оскорбительное для памяти Пушкина представление...»²

Мы намеренно обратились к цитатам из книг, в которых речь идет вовсе не о Пушкине. Он вспоминается лишь попутно, для оживления читательского интереса, а в первом случае даже прямо не называется, хотя, конечно, появившееся в контексте сложного пассажа имя Дантеса невольно рождает предусмотренную автором ассоциацию: ...Пушкин.

Гибель поэта в русском общественном сознании, особенно на протяжении нашего века, остро переживалась как актуальная проблема. Книга П. Е. Щеголева «Дуэль и смерть Пушкина» (1916), первый солидный, академический труд, переиздавалась неоднократно, но чем дальше, тем меньше удовлетворяла заинтересованного читателя. Здесь на основании свидетельства современников, документов, дипломатической переписки была воссоздана трагическая семейная история, в которой ревность затравленного поэта, вызванная легкомысленным поведением его жены, привела к роковой дуэли. Понятно было желание найти истинного виновника этой катастрофы, заподозрив в ничтожном Дантесе лишь исполнителя некой злобной воли. В фильме В. Гардина «Поэт и царь» (1925) вина за убийство Пушкина возлагалась непосредственно на императора. Со временем в общественном сознании была «реабилитирована» жена поэта, а главного интригана начали искать в высших эшелонах светской черни, называя различные конкретные имена. С другой стороны, была выдвинута идея саможертвенности поэта, который отчаянным вызовом судьбе перечеркнул свою жизнь, исчерпанную в ее творческих живительных истоках до конца. В последние десятилетия почитателям Пушкина все настойчивее внуша-

¹ Парнов Е. Ларец Марии Медичи. М., 1972. С. 410—411

² Кожин В. Тютчев. М., 1988. С. 190. См. также его статью «Из чьей руки...» (Правда. 1989 6 февр.).

ется мысль, наиболее четко сформулированная в рецензии на книгу В. Кожина о Тютчеве: «Заговор против Пушкина, организованный космополитической кликой, сама гибель русского гения предстают в книге В. Кожина как национальная трагедия...»³

Каждая из подобных версий может быть рассмотрена как отражение мифологизированных современных воззрений.

Т. Манн справедливо сводил все многообразие вновь и вновь возникающих мифов к двум разновидностям: «химерам» и «кошмарам», в которых концентрируются надежда и страх современного человека, рай и ад его души. «Химера» воссоздает образ благодетеля и покровителя, «кошмар» рисует заговор враждебных сил⁴.

К «кошмарным» концепциям в мире современной культуры принадлежит миф о масонском заговоре. В начале нашего века в России миф этот постоянно пропагандировался правыми, реакционными, черносотенными кругами. Приведем типичный образец подобных рассуждений: «Однородные явления вызываются однородными причинами. И если в разных государствах народам навязывается совершенно чуждый им политический строй, то надо искать общей причины, а не совпадений. И вот этой общей причиной является настойчивая, упорная работа масонов, направляемая умелой рукой из одного центра»⁵.

В 1970—1980 годах этот миф возродился в советской печати, с некоторым опозданием отреагировавшей на появившиеся за рубежом статьи и книги о масонском заговоре, который привел к февральской революции в России⁶. Миф этот был актуализи-

³ Зуев Н. Служение России//Молодая гвардия. 1990. № 1. С. 286.

⁴ Ср. также: «Мы можем сказать, что миф (...) есть запечатленное в образах познание мира во всем великолепии, ужасе и двусмыслии его тайн» (Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 14).

⁵ Земщина. 1909. 10 янв. Об антимасонской литературе начала XX в. см.: Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 77—81; Рак В. Д. «Умбракул, распещренный звездами...»// Рус. лит. 1972. № 4. С. 165—174.

⁶ Первым «откровением» о масонском заговоре, якобы приведшем к падению русского самодержавия, в нашей стране стала книга Н. Н. Яковлева «1 августа 1914» (М., 1974). Позже появилось несколько таких работ и в их числе сборник «За кулисами видимой власти», выпущенный издательством «Молодая гвардия». В советской историографии эти публикации были восприняты как малопочтенный курьез, но в научной печати они не были в достаточной мере проанализированы. Наиболее энергично подверг их критике академик И. И. Минц в статье «Метаморфозы масонской легенды» (История СССР. 1980. № 4) и в своих интервью (Правда. 1986. 3 февр.; Огонек. 1987. № 1), но однозность этой фигуры, о которой открыто заговорили в годы перестройки, позволила пренебречь критикой И. И. Минца. Лишь в последнее время появилась книга А. Я. Авреха «Масоны и революция» (М., 1990), в которой содержится убедительный анализ возникновения и бытования мифа о масонском характере февральской революции.

рован сенсационным разоблачением масонской ложи «Пропаганда-2» («П-2») в Италии, списки которой, включающие высшие чины итальянской гражданской и военной власти, попали в 1981 г. в руки полиции.

Идея масонского заговора, тяготеющего над судьбами России, в исторической ретроспективе захватывала события XIX в. Проникла она и в популярное пушкиноведение.

Первой развернутой публикацией этого рода стала статья В. Пигалева «Пушкин и масоны», напечатанная в газете «Литературная Россия» (1979. 9 февр.) под рубрикой «Гипотезы. Догадки. Предположения». Имеет смысл остановиться на этой статье подробно, проследив механизм подобных фальсификаций.

«Таинственна смерть поэта». Обстоятельства ее не были прояснены, потому что большинство исследователей не придавали значения причастности Пушкина к масонской ложе «Овидий». А зря. Ибо ложа «Овидий» подчинялась великой ложе «Астрей», та в свою очередь — «Великой провинциальной ложе», управляемой зарубежными мастерами. Именно по повелению зарубежного масонского центра отступника-поэта, чей «неподкупный голос (...) был эхо русского народа», примерно наказали. Орудием международного масонства стал француз Жорж Дантес — и не случайно: его дядя, оказывается, был командором ордена Тамплиеров. Руководствуясь масонским правилом: «Всего более можно влиять на мировые события посредством женщин» — и исполняя инструкции зарубежного центра, Дантес затевает интригу с женой поэта. Пушкин получает последнее предупреждение: пасквиль о посвящении его в кавалеры ордена рогоносцев, иезуитски составленный с применением масонской терминологии. Пасквиль этот попадает в полицию, которая, однако, на него не реагирует, так как она возглавляется масоном гр. А. Х. Бенкендорфом, а поэт между тем выходит к роковому барьеру. После гибели Пушкина Бенкендорф и его помощник Л. В. Дубельт (тоже масон!) уничтожают все компрометирующие мировой масонский синдикат документы, а Дантес, выполнив задание, возвращается на родину и в награду получает звание сенатора.

Таково краткое содержание «исторической хроники» В. Пигалева, основанной, как выясняется, на единственном малодостоверном источнике, давно известном в пушкиноведении и передающем ряд сплетен о кишиневском периоде жизни Пушкина. «В парижской газете „Temps“, — сообщает В. Пигалев, — 5 марта 1837 года (по новому стилю), через три недели

после гибели Пушкина, была опубликована статья, посвященная жизни и творчеству русского поэта в период его пребывания в Кишиневе (...) автор статьи свидетельствует: „Несколько французов, находившихся тогда в Кишиневе, основали мasonicкую ложу. Пушкин вступил в нее...“. Статья характеризуется такими мелкими подробностями, о которых мог знать либо постоянный член кишиневского тайного мasonicского кружка, либо один из верховных вожаков, „мастеров“ ложи. Последний, пусть даже далеко находящийся, согласно мasonicкому уставу, регулярно получал подробную информацию о поведении „братьев“...».

Прервем цитату и проанализируем приемы, с помощью которых В. Пигалев жонглирует фактами.

Полный перевод на русский язык и научный анализ статьи из французской газеты содержатся в публикации Т. Г. Цявловской⁷. Конечно, из альманаха «Прометей», а не непосредственно из французской газеты заимствует нужные ему цитаты (в точном соответствии с переводом на русский язык, выполненным Т. Г. Цявловской) автор «исторической хроники», «забывая» при этом указать заинтересованному читателю доступный ему источник.

Процитируем полностью тот абзац французской статьи, где речь идет о мasonicкой ложе «Овидий»: «Несколько французов, находившихся тогда в Кишиневе, основали там мasonicкую ложу. Пушкин вступил в нее, и множество русских различного положения в обществе последовали его примеру. Правительство закрывало на это глаза, но однажды крестьяне заметили архимандрита (епископа) в тот момент, когда его вели в комнату для размышлений, они вообразили, что над ним совершается насилие, и стали звать на помощь, чтобы спасти своего любимого пастыря. Произошел своего рода бунт, и правительство, поставленное об этом в известность, приказало закрыть ложи на всем протяжении империи. Эта мера получила отклик в Европе, где не знали о вызвавшей ее причине».

«О том, что „за кишиневскую ложу были уничтожены в России все ложи“, — комментирует этот эпизод Т. Г. Цявловская, — говорит и Пушкин в письме к Жуковскому от 20-х чисел января 1826 года, хотя документально это сведение не подтверждается (см.: А. С. Пушкин. Письма. Под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского. Т. II. М.; Л., 1928. С. 123). Однако утверждение иностранца, что закрытие ложи „Овидий“ произошло из-за эпизода с архимандритом (болгарским архи-

⁷ Прометей. М., 1974. Т. 10. С. 293—301.

мандритом Ефремом.— С. Ф.), наивно. Кишиневская ложа была, по-видимому, политической организацией; об этом почти прозрачно говорит Пушкин в названном письме к Жуковскому; свое участие в масонской ложе Пушкин называет среди обстоятельств, которые могут компрометировать его в глазах правительства⁸.

Так обстоит дело с «мелкими подробностями» во французской статье, исходившей, конечно, от лица, непосредственно не знакомого с поэтом и судившего о нем по кишиневским слухам.

В. Пигалев вычитывает в этой статье сведения, которых в ней и вовсе нет: «Упомянутая нами статья заканчивается тем, что русский поэт был вызван в Петербург; „но с этого времени мы его потеряли из виду“. Скорее всего (!) анонимные авторы⁹ статьи, будучи несомненно (??) масонами, „потеряли“ Пушкина не визуально, а в более широком смысле <...> Для братьев стало ясно, что поэт выходит из их контроля, перестает почитать орденские интересы и ритуалы (!!!)...».

Предваряя это отчаянно смелое предположение, В. Пигалев сообщает ряд фантастических сведений о ложе «Овидий», о системе российских масонских лож, об истории масонства вообще.

Характерно одно мелкое, но, видимо, не случайное передергивание фактов. Двоюродный дед Дантеса по материнской линии (а вовсе не дядя) был командором не ордена Тамплиеров, упраздненного папой Климентом V еще в 1312 г., а Тевтонского ордена, потерявшего к началу XIX в. всякое значение¹⁰.

Почему же В. Пигалеву понадобился именно орден Тамплиеров?

Это связано с сознательно насаждавшейся масонами еще с XVIII в. легендой о глубокой древности своей организации, которая в течение тысячелетий претерпела множество организационных метаморфоз, сохраняя общий характер замкнутых корпораций, оберегающих и передающих посвященным некую масонскую тайну. Возникшее в начале XVIII в. из цеховых организаций строителей храмов и замков масонское движение вскоре стало насыщаться тайными организационными формами и мистической символикой средневековых христианских орденов, как, впрочем, и древнего языческого жречества. Некоторые критики масонства принимают эту легендарную историю

⁸ Там же. С. 296, 299.

⁹ Статья, напечатанная во французской газете, написана, конечно же, одним автором, пользующимся обычным литературным приемом называния себя во множественном числе.

¹⁰ См.: Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата, 1976. С. 330.

всерьез, видя в нем орудие политических интриг, действующее в течение тысячелетия по крайней мере¹¹.

Сенсационность «откровений» В. Пигалева объясняется тем, что в условиях негласного запрета на масонскую тему научные исследования данной проблемы в советской пушкинистике были долгое время невозможны, хотя до революции успели появиться серьезные работы, оснащенные архивными документами¹².

Нельзя не согласиться с М. Осоргиным, считавшим, что «эпизод с масонством Пушкина много значительнее и интереснее десятков любовных эпизодов, на изучение которых во всех нескромных деталях пушкинисты тратят столько сил»¹³. Масонство в культуре пушкинского времени составляло достаточно мощное течение¹⁴, а потому уже в силу универсальности пушкинского гения не могло не получить разнообразного отражения в его жизни и творчестве.

¹¹ Любопытно, что среди этих критиков часто оказываются идеологи тайных, заговорщицких корпораций, не чуждающихся мистики. Так, безуспешно попытавшись овладеть ширившимся во всем мире масонским движением, иезуиты впоследствии превратились в наиболее ожесточенных противников масонства, ревнуя к его успехам. Известна ненависть к масонству гитлеровского режима, во многом использовавшего аналогичные ритуалы и идеологию. В годы правления Сталина, сравнивавшего партию большевиков с орденом меченосцев, масонство было под запретом даже как тема исторического исследования, о нем лишь позволялось упоминать с обязательной резкой негативной оценкой, в том числе и применительно к Пушкину. Ср.: «Атензм и свободолюбие А. С. Пушкина сказались в его критике масонства. А. С. Пушкин резко порицает „мистическую набожность“ и политическое бессилие масонства, ограничившегося „брюзгливым порицанием настоящего“» (Малинин В. А. Философские взгляды А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1954. С. 3). Достаточно развернуть (что мы сделаем несколько ниже) пушкинскую цитату, воспроизведенную здесь маловразумительными клочками, чтобы убедиться в предвзятости данного безапелляционного утверждения.

¹² См.: *Кульман Н. К.* К истории масонства в России. Кишиневская ложа//Журн. М-ва народного просв. 1907. Ч. XI. № 10. Отд. отт.; *Щеголев П. Е.* К истории пушкинской масонской ложи//*Щеголев П. Е.* Первенцы русской свободы. М., 1987. С. 231—235. В библиографии работ о русском масонстве мы находим около двух десятков статей, касающихся Пушкина (см.: *Bourichkine P.* Bibliographie sur la Franc-maçonnerie en Russie. Paris, 1967).

¹³ *Осоргин М.* Пушкин — вольный каменщик//Последние новости. 1937. 10 февр.

¹⁴ См.: *Пыпин А. Н.*: 1) Общественное движение в России при Александре I. СПб., 1900; 2) Религиозное движение при Александре I. Пг., 1916; 3) Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. Пг., 1916. Характерно, что в современном учебном пособии (*Яковкина Н. И.* Очерки русской культуры первой половины XIX века. Л., 1989) о масонстве даже не упоминается.



Намечая в 1830 г. программу автобиографических записок, Пушкин под 1811 г. записывает: «*Лицей*. Открытие. Малино(вский). Гос(ударь). Куницын, Аракчеев.— Начальники наши.— Мое положение.— Философич(еские) мысли.— Мартинизм.— Мы прогоняем Пилецк(ого)» (XII, 308)¹⁵.

Обычно, комментируя пункт «Мартинизм», вспоминают о лицейских профессорах-масонах Ф. М. Гауеншильде и Н. Ф. Кошанском,— между тем речь в записках Пушкина, очевидно, должна идти о некоторых идейных основах лицейского воспитания. Позже в записке «Исторический взгляд на Сперанского» (1826) Гауеншильд «поведал Меттерниху и о плане Сперанского, разработка которого якобы ему была поручена с целью преобразования русского духовенства. Сперанский предлагал основать масонскую ложу и обязать наиболее способных из духовенства участвовать в ней. По словам Гауеншильда, первым мастером ложи должен был быть сам Гауеншильд, на обязанности которого должна была лежать цензура трудов этих духовных братьев. Безусловно, не все может вызвать доверие в подобных сообщениях, но несомненно, что он был весьма осведомлен о деятельности Сперанского в ту пору. Впоследствии, уже после возвращения из ссылки, Сперанский продолжал поддерживать сношения с Гауеншильдом»¹⁶.

Если вспомнить об участии Сперанского в составлении первоначального проекта Лицея, предназначенного, по его мысли, для воспитания высшего звена государственных чиновников в России, то в наметках пушкинских записок следует увидеть нечто большее, нежели воспоминание об учителях-масонах. Речь должна была, видимо, идти об общей духовной атмосфере, с самого начала утвердившейся в Лицее. Отражением ее, вероятно, стали (ср. предыдущий пункт пушкинского плана «Философические мысли») ранние произведения Пушкина, известные нам только по названиям: романы «Цыган» и «Фатам, или Разум человеческий», комедия «Философ».

Мы имеем возможность отчасти расшифровать пушкинскую помету о мартинизме в плане автобиографических записок, об-

¹⁵ Возможно, к этим страницам автобиографии тяготеет и другой пункт программы, записанный выше. Собираясь рассказать о французах, учителях своего отца, Пушкин помечает «[Мг.] Вонт. (?) секретарь Мг. Martin» (XII, 307). Может быть, в семейных преданиях сохранилось воспоминание о некоем сподвижнике видного теоретика масонства Л. К. Сен-Мартена (1743—1803), волею судеб оказавшемся в конце XVIII в. в Москве?

¹⁶ Руденская М., Руденская С. «Наставникам за благо воздадим». Л., 1986. С. 297

ратившись к его статье «Александр Радишев» (1836): «В то время существовали в России люди, известные под именем *мартинистов*. Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу. Странная смесь мистической набожности и философического вольнодумства, бескорыстная любовь к просвещению, практическая филантропия ярко отличали их от поколения, которому они принадлежали. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов заговорщиками и приписывали им преступные политические виды. Императрица, долго смотревшая на усилия французских философов как на игры искусных бойцов и сама их ободрявшая своим царским рукоплесканием, с беспокойством видела их торжество и с подозрением обратила внимание на русских мартинистов, которых считала проповедниками безначалия и адептами энциклопедистов. Нельзя отрицать, чтобы многие из них не принадлежали к числу недовольных; но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на франмасонских ужинах. Радишев попал в их общество. Тайнственность их бесед воспламенила его воображение. Он написал свое „Путешествие из Петербурга в Москву“, сатирическое воззвание к возмущению, напечатал в домашней типографии и спокойно пустил его в продажу» (XII, 31—32)¹⁷.

Вполне понятно, что «мистическая набожность» мартинистов с самого начала не привилась к Пушкину, чего нельзя сказать о «философическом вольнодумстве, бескорыстной любви к просвещению, практической филантропии», ставших отправными заветами его духовного развития.

Масонское влияние, определившее лицейское воспитание, достаточно пронизательно было отмечено в доносах.

«Что скажем о нынешнем воспитании (<...>), — писал 31 марта 1820 г. В. Н. Каразин министру внутренних дел гр. В. П. Кочубею, — натверживание молодым людям сумасбродных книг под именем божественной философии и пр., навязывание Библии несколько не сделало их лучшими, а заставляло смеяться над религией или на нее досадовать. (<...> В самом лицее Царскосельском государь воспитывает себе в отечестве недоброжелателей (<...> из воспитанников более или менее есть почти

¹⁷ Ниже в той же статье Пушкин приводит оценку книги Радишева, высказанную Екатериной II (в нынешней литературе эта оценка всегда приводится в существенно усеченном виде): «Он мартинист, говорила она Храповицкому (см. его записки), он хуже Пугачева; он хвалит Франклина» (XII, 33).

всякий Пушкин, и все они связаны каким-то подозрительным союзом, похожим на масонство, некоторые же и в действительные ложи поступили...»¹⁸

Позже в записке для Третьего отделения «Нечто о Царско-сельском лицее и духе оного» Ф. В. Булгарин, давая политический портрет лицейста («...он должен толковать о конституциях, палатах, выборах, парламентах; казаться не верующим христианским догматам и более всего представляться филантропом и русским патриотом»), самые истоки лицейского духа видит в мартинизме новиковской школы, определившей «первое начало либерализма и всех вольных идей»¹⁹. Масонскую закваску усматривал Булгарин и в деятельности Арзамасского общества, которое столь много значило в духовной и творческой биографии Пушкина: «Оно было ни литературное, ни политическое в тесном значении сих слов, но в настоящем своем существовании клонилось само собой и к той, и к другой цели. Оно сперва имело в намерении пресечь интриги в словесности и в драматургии, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцев-словесников. <...> Оно было шуточное, забавное и во всяком случае принесло бы более пользы, нежели вреда, если бы было направляемо кем-нибудь к своей настоящей цели. <...> Сие общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, шли в свете по блестящему пути и почти все были или дети членов новиковской мартинистской секты, или воспитанники ее членов, или товарищи и друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество сообщило свой дух большей части юношества и, покровительствуя *Пушкина* и других лицейских юношей, раздуло без умысла искры и превратило их в пламень»²⁰.

Обычно это обвинение Булгарина расценивается как злобный навет. Но любое тайное или полутайное организационное образование в России невольно заимствовало какие-то формы именно от масонских организаций, ибо других общественных союзов просто не было в ее культурной жизни.

След масонских ритуалов и обрядов, шутивно переосмысленных, мы обнаруживаем и в деятельности «Арзамаса». Как нам представляется, необходимо при этом иметь в виду ту реформу русского масонства, которая осуществлялась в первые годы после войны с Наполеоном.

¹⁸ Цит. по: *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности С. 176—177.

¹⁹ См.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин под тайным надзором. 3-е изд. [Л], 1925. С. 36—37.

²⁰ Там же С. 42—43

Тогда, в отличие от XVIII в., масонство в России перестало быть тайным и подвергаться правительственным преследованиям. Ложки множились, в них вступали люди разных сословий, и это отражало либеральные стремления времени, поиски организационных форм влияния на общество. Мистические устремления, усложненность ритуалов и системы, пришедших в прошлом веке на смену первоначальному английскому (иоанновскому) масонству, в том числе и в России (шведская и шотландская системы, розенкрейцерство, иллюминатство, тамплиерство), ныне кажутся излишними, отступающими от целей и задач подлинных «свободных каменщиков».

14 июля 1814 г. мастер ложи «Петра к правде» доктор Е. Е. Элизен обращается с письмом к великому мастеру Директориальной ложи Бёберу, где, в частности, пишет: «Долголетнее учение и чрезвычайные отношения удостоверили меня, что так называемые высшие степени нимало не состоят в связи с первоначальным чистым свободным каменщицеством, что они не только что в высочайшей степени излишни суть, но даже и вредны; что они, вместо облагораживания человеческого сердца, имеют последствием явное развращение нравов и легко могут сделаться вредными для государства (<...> в Англии, а особенно в Шотландии было Свободное Каменщицество злоупотребляемо иезуитами для составления себе партии. Но они скрывали намерения свои под разными формами, распускали в Англии и во Франции, что Свободное Каменщицество есть продолжение Тамплиерского ордена, коего начальники из духовенства имели великие таинства и сокровища...»²¹

Прямым результатом этого манифеста, с одобрением принятого большинством российских масонов, было образование в 1815 г. новой верховной ложи «Астрей», отложившейся от «Великой Провинциальной ложи» (8-й), которая в соответствии с решением Вильгельмсбадского конгресса масонов (1772) руководила всеми масонами в России и была организована по усложненной шведской системе. Новое уложение «устанавливало выборное начало в управлении масонского сообщества и клало в основу этого управления ответственность всех без исключения должностных лиц, их выборность, терпимость ко всем принятым масонским системам и равноправность всех представителей лож в великой ложе»²².

²¹ Пыпин А. Н. Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. С. 400—401

²² Соколовская Т. Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). СПб., 1908. С. 58.

Ложи, входившие в новый союз под верховенством «Астреи», работали обычно по системе раннего английского масонства трех степеней (ученик, товарищ, мастер). Согласно тому же уложению, союзные ложи обязывались «не иметь никаких тайнств перед правительством», признавая «целью своих работ — усовершенствование благополучия человек исправлением нравственности, распространением добродетели, благочестия и непоколебимой верности к государю и отечеству и строгим исполнением существующих в государстве законов»²³. Между тем в поисках активных мер по революционному преобразованию российского общества в недрах некоторых масонских лож крепнут идейные контакты между будущими членами тайных декабристских организаций. Первая из них, «Союз спасения», возникла в ложе «Трех добродетелей», а ложа «Избранного Михаила» под влиянием ее «оратора» Ф. Н. Глинки постепенно превращалась в полуполюгальный орган «Союза благоденствия»²⁴.

Возникшее в год масонской реформы Общество арзамасских литераторов носило, конечно, вполне светский, литературный характер. Но, по-видимому, его организаторы, действительно хорошо знакомые с масонскими обрядами и начитанные в масонской литературе, кое-что из них почерпнули. Известно, что непременной принадлежностью арзамасских застолий был гусь. Пытаясь объяснить подобное пристрастие, обычно считают: «Город Арзамас издавна славился гусями; вот и стал гусь символом „Арзамаса“; его изобразили на печати общества; его же обычно подавали на ужин в конце заседания»²⁵.

Впервые гусь был упомянут на втором заседании «Арзамаса» во вступительной речи С. П. Жихарева: «Друзья! Помните ли предание древнего времени о Фениксе бессмертном? В нашем брате возобновилось чудо перерождения сей баснословной птицы! В едином токмо не сходствует он с нею — Феникс умирал Фениксом и воскресал Фениксом! Брат наш умер сердитою совою Беседы и воскрес горделивым гусем Арзамаса!»²⁶

Феникс, сова — все это шло от масонской атрибутики (как и обращение «брат», и сам ритуал «воскрешения» в ходе прие-

²³ Там же. С. 61.

²⁴ См.: *Семевский В. И.* Декабристы-масоны // *Минувшие годы*. 1908. № 2. С. 1—50; № 3. С. 128—170; *Дружинин Н. М.* Масонские знаки П. И. Пестеля. М., 1929; *Базанов В.* Вольное общество любителей российской словесности. С. 77—100.

²⁵ *Гиллельсон М. И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л., 1974. С. 59.

²⁶ Там же.

ма в общество). Оказывается, и гусь был небезызвестен в истории масонства: «Первые Великие ложи возникли в Англии <...> когда огромное большинство людей высшего и среднего класса не помышляло уже ни о чем, кроме отдыха от бесконечных смут. <...> С водворением новой династии жизнь страны входила в мирное русло: все нужное для ее спокойствия казалось достигнутым. От бывшего увлечения политикой теперь осталась простая склонность к общественности, привычка сходиться среди людей; развилась страсть к кружкам и клубам. Сатирический листок „Зритель“ („Spectator“), выходящий в Лондоне в начале десятилетия годов (XVIII в. — С. Ф.), высмеивая эту страсть, приводил длинный список существовавших будто бы в Лондоне обществ, среди которых фигурируют и клубы красавцев и уродов, „вечно существующее общество“, и „метафорические мертвецы“. <...> Андерсен, автор „Новой книги масонских конституций“, во втором издании ее, вышедшем в 1738 году, следующим образом рассказывает об основании „Великой Лондонской Ложи“: „после торжественного въезда в Лондон короля Георга I и усмирения в 1716 году восстания (якобитов, сторонников династии Стюартов.— С. Ф.) несколько Лондонских лож решили сплотиться вокруг одного Великого Мастера (Гроссмейстера) как центра единения и гармонии. Это были — ложа „Гуся и Противня“, ложа „Короны“, ложа „Яблони“ и ложа „Виноградной кисти“ (названия таверн, в которых они собирались). <...> В день Св. Иоанна Крестителя (в 1717 году) в таверне „Гуся и Противня“ состоялся первый банкет фракмасонов»²⁷.

В данном описании общественной атмосферы, обусловившей возникновение первых масонских лож, угадывается определенная типологическая общность с настроениями русского общества послевоенной поры. Организационная реформа русского масонства, на которую мы обращали выше внимание, в деятельности «Арзамаса» приобретала откровенно пародийные, игровые черты. Пушкин, несомненно знакомый с самого начала деятельности «Арзамаса» с его протоколами, не мог не замечать в них шутивно инструментированной масонской стилистики и обрядности²⁸.

Трудно представить, что, вступая 4 мая 1821 г. (как отмечено в его дневнике) в ученики кишиневской ложи «Овидий»,

²⁷ Херасков И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX в. // Масонство в его прошлом и настоящем. [М.], 1914. Т. 1. С. 16—17.

²⁸ Гиллельсон М. И. Молодой Пушкин и арзамасское братство. С. 60, 64, 81—87.

Пушкин был движим идеалами нравственно-религиозного возрождения: ничто в его творчестве этого не подтверждает.

В исследованиях Н. К. Кульмана и П. Е. Щеголева распутаны некоторые противоречивые сведения, относящиеся к недолгому существованию ложи «Овидий». Согласно имеющимся документам, она официально была организована лишь 7 июля 1821 г. (два месяца спустя после принятия в нее Пушкина) под главенством генерала П. С. Пушина, имевшего третью масонскую степень (мастера), которую он получил в петербургской ложе «Соединенных друзей». 17 сентября, на основании соответствующего обращения, ложа «Овидий» была занесена под номером 25 в списки верховной ложи «Астрея», но 13 октября великий секретарь последней Вевель напоминал кишиневским братьям: «Прежде нежели которая ложа будет таким образом принята, производимые ее работы считаются временными и недействительными, если принятие не совершится, согласно параграфа 154». Указанный параграф устава предполагал инсталляцию (утверждение) вновь образованной ложи в присутствии особого доверенного от «Астреи» лица. Уже в декабре правительство обратило внимание на деятельность кишиневской ложи и предписало И. Н. Инзову разобраться в нарушениях установленных правил.

Если в начале своего царствования Александр I воспринимал деятельность масонов терпимо и даже заинтересованно, то после бунта Семеновского полка в 1820 г., предполагая участие в нем масонов-офицеров (так и не доказанное следствием), император начал с подозрением относиться к «свободным каменщикам», особенно к состоящим в армии. В 1821 г. А. Х. Бенкендорфом была передана царю составленная, как считают, М. Грибовским «Записка о тайных обществах в России», где говорилось, в частности: «В 1814 году, когда войска русские вступили в Париж, множество офицеров приняты были в масоны и свели связи с приверженцами разных тайных обществ. Последствием сего было, что они напитались гибельным духом партий, привыкли болтать то, чего не понимают, и из слепого подражания заводят подобные тайные общества у себя»²⁹.

Все это предопределило быструю расправу с кишиневской ложей, руководимой членом «Союза благоденствия» П. С. Пушиным и принявшей в нарушение правил (а по этим правилам

²⁹ Рус. арх. 1875. № 12. С. 423. А. Х. Бенкендорф, между прочим, сам был масоном и состоял в той же, что и П. С. Пушин, ложе «Соединенных друзей», но еще до официального запрещения лож, как видим, верноподданнически оценил их злобредность. Александр I не дал официального хода этой «Записке», но после восстания декабристов она в полной мере была использована Следственным комитетом

информация о деятельности лож поступала в полицию) опального Пушкина и известных вольнолюбцев М. Ф. Орлова и В. Ф. Раевского.

Уже 9 декабря П. С. Пущин официально закрыл ложу³⁰, но тем не менее был уволен в отставку.

Со вступлением Пушкина в ложу «Овидий» связан один эпизод его творчества, до сих пор недостаточно проясненный. Мы имеем в виду его стихотворение, посвященное генералу П. С. Пущину:

В дыму, в крови, сквозь тучи стрел
 Теперь твоя дорога;
 Но ты предвидишь свой удел,
 Грядущий наш Квируга!
 И скоро, скоро смолкнет брань
 Среди рабского народа,
 Ты молоток возьмешь во длань
 И воззовешь: свобода!
 Хвалю тебя, о верный брат!
 О каменщик почтенный!
 О Кишинев, о темный град!
 Ликуй, им просвещенный!

(II, 204)

Давно обращено внимание на нарочито экзальтированный тон этих строк, звучащих не всерьез. И. В. Немировский указал на пародируемый образец, воспроизведенный Пушкиным и стилистически, и строфически, — стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов», некогда шутливо обыгранное в лицейском опусе «Пирующие студенты»³¹. Так, стало быть, Пушкин посмеивался над почтенным генералом (героем Отечественной войны), мастером своей ложи?

Недоразумение вполне разъясняется, если принять во внимание масонскую обрядность, в частности так называемые столовые ложи, с приличествующими речами братьев во время совместных ужинов. Уже говорилось о том, что П. С. Пущин состоял в петербургской масонской ложе «Соединенных друзей» и едва ли не привнес в деятельность кишиневских «свободных каменщиков» ее обычаи. Его «брат» по петербургской ложе, А. П. Степанов, сообщал в 1815 г. в письме к своему дяде,

³⁰ Согласно М. Осоргину — автору работы «Пушкин — вольный каменщик», «скорее можно предположить, что кишиневские масоны продолжали собираться до повсеместного закрытия в России масонских лож в августе 1822 года. Отчасти это подтверждается недавно опубликованными в Румынии документами о том, что ложа „Овидий“, ввиду начавшихся гонений, переместилась в послушание великой румынской ложи» (Последние новости. 1937. 10 февр.).

³¹ Рус. лит. 1989. № 3. С. 166.

Р. С. Степанову, истому франкмасону: «Находя в [ложе] г. Жеребцова людей, смеющихся над всем, что их там окружает (...) людей, предающихся буйству в часы пиршества (...) я не мог найти между ними не только никакого разъяснения, но удалился совершенно от цели, с которою вступил к ним (...) смеялся с ними вместе игре больших детей,— так называл я мудрую аллегорю...»³² Может быть, именно не слишком серьезное отношение к «мудрым аллегориям» и позволило П. С. Пушину вольно обходиться с масонскими установлениями, что, в конечном счете, так дорого ему обошлось? Но эта игровая сторона («игра больших детей») масонства была особенно близка арзамасцу-поэту. Отсюда шуточный тон стихотворного посвящения (масонского тоста) почтенному генералу, ни в коей степени не подрывающий его репутации, в военном деле и в нравственных качествах безупречной³³.

Масонский эпизод в жизни Пушкина, достаточно детально обследованный в специальной литературе, тем не менее нынешнему поколению читателей почти неизвестен. Характерно, что в популярных биографиях поэта, вышедших в 1970—1980 гг. (авторы — Б. С. Мейлах, Ю. М. Лотман, В. И. Кулешов, Н. Н. Скатов), о вступлении поэта в ложу «Овидий» вообще не упоминается. Неудивительно поэтому, что в нынешней печати появляются совершенно вздорные сведения на этот счет, например: «... Карамзин порвал с масонством. Судьба Пушкина носит сходные черты. Поэт вступил в ложу „Овидий — 2“ (?) в Кишиневе 4 мая 1821 года, будучи в ссылке. Руководителем ложи был один из будущих декабристов — М. Ф. Орлов (?). Пушкин сблизился с декабристами настолько, что, по некоторым свидетельствам, хотел примкнуть к их выступлению. (...) К декабристам Пушкина влекли идеи свободы и братства. Но уже в Кишиневе, в той же ложе, он столкнулся (?) с иностранными „братьями“ (французами), которые с презрением смотрели на все русское. Одного из них (?) Пушкин вызвал на дуэль, а когда тот отказался, поэт написал ему резкое письмо»; «Пушкина волновала судьба Моцарта, отравленного, согласно легенде, Сальери. Есть предположение, что Моцарта убили „братья“ в отместку за то, что в „Волшебной флейте“

³² Рус. старина. 1870. Февр. С. 155. Здесь же см. подробное описание обряда приема в ложу, который, вероятно, по тому же ритуалу прошел 4 мая 1821 г. и Пушкин.

³³ Важные новые сведения, уточняющие биографию П. С. Пуштина и разрушающие бытовавшую легенду о его позднейшем ренегатстве, выявлены в статье В. Г. Бортневского и Е. В. Анисимова «Новые материалы о П. С. Пушине» (Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 157—161).

он высмеял некоторые тайны масонства. У Пушкина Моцарт отвергает слух о том, что Бомарше мог кого-то отравить. „Гений и злодейство — две вещи несовместные“, — говорил он. Увы, „братство“ и злодейство, или просто низость, нередко совместимы, причем в отношении собственных „братьев“. Их лучшие качества используются, когда это выгодно, а потом от них стараются „освободиться“. Так случилось и с лучшими представителями масонства, поднимавшимися до героики...»³⁴

Масонский эпизод в биографии Пушкина был кратким. Но, как и все в его жизни, знакомство с масонскими обрядами и ритуалами отразилось в его творчестве — в лирике («Вакхическая песня», «Пророк», «Странник»), в драматических сценах «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери» и — в пародийном виде — в повести «Пиковая дама»³⁵. Вопрос этот заслуживает дополнительного исследования. Может быть, некоторые до сих пор загадочные произведения Пушкина тогда станут для нас яснее, например болдинское стихотворение «В начале жизни школу помню я», религиозная символика которого неортодоксальна и, возможно, восходит к какому-то масонскому трактату.

Пока же мы вынуждены возвратиться к версии о масонском заговоре против Пушкина.

В появившейся в 1983 г. статье Ю. Плашевского изложены два аргумента на этот счет. Первый выдвигался еще В. Пигалевым и с тех пор постоянно циркулирует в современной устной пушкиниане. Речь идет о стиле «диплома роконосца», послужившего первопричиной дуэли. «При изучении фразеологических составных частей „диплома“, — сообщает Ю. Плашевский, — нами было обращено внимание на такие словосочетания, как „Кавалеры Большого Капитула“, „командоры и рыцари светлейшего ордена“, „сбравшись в Велико Капитуле“, „под председательством великого магистра ордена“, которые кажутся устойчивыми. Естественно, что каждому, занимавшемуся историей, становится ясно, что вся эта фразеология заимствована из лексикона средневековых орденов Европы (<...> Масоны?

³⁴ *Замойский Л.* За фасадом масонского храма: Взгляд на проблему. М., 1990. С. 158—159, 163. Бывший офицер французской службы Дегильи, которого поэт в июне 1821 г. вызывал на поединок, в ложе «Овидий» не состоял. Но сам факт готовности Пушкина к дуэли, когда он только-только стал масоном, по-своему интересен. Масонские правила, конечно же, дуэли осуждали. См.: *Соколовская Т.* Русское масонство и его значение в истории общественного движения (XVIII и первая четверть XIX столетия). С. 91.

³⁵ *Weber H. B.* Pikovaia dama: A Case for Freemasonry in Russian Literature//The Slavonic and East European Journal. 1968. Vol. XII. No 4; *Leighton L. G.* Pushkin and Freemasonry: „The Queen of Spades“//New Perspectives on Nineteenth-Century Russian Prose. Columbus (Ohio), 1982.

Да. Вот это, кажется, то, что требуется. Из русского масонства, пожалуй, могли выйти субъекты, которые бы удовлетворяли предъявляемым к авторам „диплома“ требованиям, выясняющимся в ходе детальных расследований: русский, пишущий на иностранном языке; привычный к западноевропейской орденской фразеологии. Ведь эта фразеология устойчиво употреблялась в масонской среде не только в первой половине XIX века, она так же устойчиво употребляется и поныне»³⁶.

Очевидно, Ю. Плашевскому осталось неизвестным свидетельство В. А. Соллогуба, на которое обратила внимание С. Л. Абрамович: «Анонимное письмо, полученное Пушкиным, не было специально сочиненным пасквилем, направленным против определенного лица. За исключением одной приписки (об «историографе ордена». — С. Ф.), текст этого шутовского диплома, извещающего о принятии в члены „Ордена рогоносцев“, представляет собою нечто совершенно безликое: это своего рода готовое клише, куда могли быть вставлены любые имена. Из воспоминаний Соллогуба нам известно, что в 1836 г. кто-то из иностранных дипломатов привез в Петербург из Вены печатные образцы подобных шутовских „дипломов“. Секретарь французского посольства д'Аршиак, встретившись с Соллогубом после ноябрьской дуэльной истории, показал ему несколько подобных дипломов „на разные нелепые звания“, среди которых находился печатный образец письма, присланного Пушкину»³⁷.

К этому следует добавить, что «каждому, занимавшемуся историей» пушкинской дуэли, надлежит знать заключение П. Е. Щеголева на этот счет, абсолютно точное: «По форме диплом пародирует грамоты на пожалование кавалерами орденов. Термины <...> взяты из орденской (т. е. наградной. — С. Ф.) практики и встречаются в статутах различных орденов»³⁸.

Другой довод Ю. Плашевского, на первый взгляд, серьезнее: он впервые обратил внимание на отпечаток печати, сохранившийся на единственном конверте (в котором был послан «диплом»), который дошел до нас: «Оттиск печати отчетливый. В центре, в обрамлении — виднеется литера „А“; справа — птица; слева — циркуль; сверху — гребень или ограда; еще выше — две капли; внизу под литерой „А“ — ветвь пальмы. <...>

³⁶ Плашевский Ю. О происхождении пасквильного «диплома»//Простор. 1983. № 4. С. 180

³⁷ Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. Л., 1989 С. 85—86

³⁸ Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. 4-е изд. М., 1987. С. 368. Ср.: Шепелев Л. Е. Отмененные истории: Чины, звания и титулы в Российской империи Л., 1977. С. 19

Таким образом (<...>) было установлено, что почти все детали на конверте „диплома“ — это масонская символика»³⁹.

Следовательно...

Вот тут-то и надо было задуматься.

Называя А. С. Пушкина «коадьютором» (заместителем) роносоца Д. Л. Нарышкина, пасквильянт, как это заметил еще П. Е. Щеголев, недвусмысленно направлял мстительное внимание поэта на императора, так как связь жены Нарышкина спокойным Александром I была общеизвестна; Николай I тоже, и в высшем свете об этом хорошо знали, имел романы «на стороне». Рассылая пасквиль по нескольким адресам⁴⁰, мог ли организатор интриги рассчитывать на то, что бдительная полиция останется в стороне? Николай I отнюдь не потакал масонам, и в 1826 г. потребовал от всех служащих новой подписки о непринадлежности к ложам. Значит, масоны самой печатью рисковали обратить на себя подлинный гнев монарха.

Без версии о международном заговоре космополитической клики против русского гения (а заодно и русского императора) здесь действительно трудно обойтись.

Только с графа К. В. Нессельроде (В. В. Кожин его объявляет главным организатором заговора), по размышлении, всякое подозрение нужно снять. Конечно, у него не было оснований любить поэта. Но покушаться на честь государя императора этот царедворец никак не мог. А стало быть, заговор выступает в виде грозной анонимной силы, в образе некоего злобного мстительного божества. Типичный миф-кошмар.

Масонскую эмблематику печати (циркуль, во всяком случае) можно объяснить куда проще — в полном соответствии с текстом «диплома». Он послан «от имени» Д. Л. Нарышкина, который сам был масоном: мастером в петербургской ложе «Северных друзей» (19-й ложе «Астреи»), а позже в московской ложе «Сфинкс»⁴¹.

Для пущей «убедительности» пасквильянт и мог припечатать разосланные «дипломы» соответствующей печатью.

³⁹ Плашевский Ю. О происхождении пасквильного «диплома». С. 182—183. «Старейший научный сотрудник Эрмитажа Иван Георгиевич Спасский, — сообщает Г. Хаит, — которому я в свое время показывал фотографии оттисков этой печати, не признал здесь следов ни масонской, ни личной, ни служебной печати, настолько она перегружена символами. Итак, отводилась ли ей вообще какая-либо роль в задуманной травле поэта?» (Хаит Г. По следам предвестника гибели//Огонек. 1987. № 6. С. 20).

⁴⁰ Той же печатью были запечатаны и конверты, и сами вложенные в них пасквили, два из которых донныне сохранились в коллекции Института русской литературы РАН (ПД, оп. 2, № 3 и 4).

⁴¹ См.: *Bakounine T. Le répertoire biographique des francsmaçons russes..* Bruxelles, [S. a.]. P. 357.

Так кто же был главным интриганом дуэльной истории? Пушкин был убежден, что им являлся барон Геккерн. И эта уверенность была прочной и взвешенной. Если вызов Дантеса на дуэль после полученного 4 ноября 1836 г. пасквиля можно еще объяснить эмоциональным взрывом, то письмо барону, написанное спустя два с лишним месяца, так не объяснишь. Мы не знаем всех доводов Пушкина на этот счет. Нельзя сомневаться, однако, что они были достаточно серьезны. Выдвигая новые версии дуэльной истории, приведшей к гибели поэта, мы должны отдавать себе отчет, что каждая новая из них является по отношению к Пушкину версией обвинения (ведь тогда его вызов был не по адресу!). Это вовсе не значит, что поиски в этом направлении нужно навсегда прекратить. Но обнародовать можно только твердые результаты, а не зыбкие предположения.

И уж совсем противопоказана науке мифология, которая ищет не истину, а врагов и благодетелей, преимущественно призрачных.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ О ПУШКИНЕ



Санкт-Петербург
ГУМАНИТАРНОЕ АГЕНТСТВО
"АКАДЕМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ"
1995